Содержание

Главная
Новости
Архив номеров
Все публикации на сайте
Авторы
Для авторов
Редакция
История журнала
Золотые страницы
Поиск
Наш баннер

Философские притяжения и отталкивания Льва Шестова: «долгий» спор с рационализмом

Автор Гиринский А.А.

06.12.2016 г.

Вопросы философии. 2016. № 11.

Философские притяжения и отталкивания Льва Шестова: «долгий» спор с рационализмом

А.А. Гиринский

Статья представляет собой размышление над основными сюжетами философского творчества Льва Шестова. Автор разбирает смысловые предпосылки шестовской философии. На своем философском пути Лев Шестов встречает союзников: в первую очередь, Ф. Ницше и Ф. Достоевского. Однако Шестов читает Ницше «библеизированным» образом, а у Достоевского ему интересен метафизический поиск «подпольного человека». Шестов делает так потому, что его несистематическая философия объединена одним вполне системным сюжетом – дискредитацией рациональных установок новоевропейской философии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история русской философии, Л. Шестов, Ф. Ницше, Ф. Достоевский, рационализм.

ГИРИНСКИЙ Александр Андреевич – аспирант Школы философии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, преподаватель и методист Лицея НИУ ВШЭ, Москва.

Цитирование: *Гиринский А.А.* Философские притяжения и отталкивания Льва Шестова: «долгий» спор с рационализмом // Вопросы философии. 2016. № 11.

Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 11.

Philosophical Attraction and Repulsion of Lev Shestov: «Long» Dispute with Rationalism

Alexander A. Girinskiy

The article is a reflection on the main subjects of philosophical creativity of Lev Shestov. The author examines the semantic prerequisites Shestov's philosophy. In his philosophical way Lev Shestov meets allies: first of all, Friedrich Nietzsche, and Fyodor Dostoyevsky. However, Nietzsche, Shestov reads in a religious way, but in the philosophy of Dostoevsky interesting metaphysical search for the «underground man». The author believes that the Shestov do so because of his unsystematic philosophy Shestov fully integrated system with one subject is the discrediting of rational systems of modern European philosophy.

KEY WORDS: history of Russian philosophy, L. Shestov, F. Dostoevsky, rationalism.

GIRINSKIY Alexander A. – Postgraduate, Faculty of Philosophy, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

aagirinskiy@gmail.com

Citation: *Girinskiy A.A* Philosophical attraction and repulsion of Lev Shestov: «long» dispute with rationalism // Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 11.

Философское творчество Шестова является примером десистематизирующей, «гуманизирующей» философии начала XX в. Оно во многом угадывает и предвосхищает многие тенденции западной философии, ведь для историков философии очевидно, что именно в прошлом столетии с особой остротой перед европейской культурой заново встали вопросы теории познания, эпистемического статуса науки и научного знания, стратегий миропонимания, проблемы истинности и ложности, свободы и необходимости. В результате XX век породил множество различных стратегий и практик, предлагающих новые гносеологические и онтологические решения старых проблем. Решения, предложенные западной философией, конечно, являются разносторонними и вариативными, многие находятся в открытом или латентном конфликте друг с другом, однако можно утверждать, что именно в творчестве Шестова многие еще непроявленные в форме цельного дискурса интуиции европейской культуры находят концентрированное выражение.

Свой духовный и интеллектуальный путь Шестов начал, как большинство русских философов начала XX в., с марксизма. Докторская диссертация его была посвящена революционно-практическим аспектам философии марксизма и известности ему не принесла, в Марксе молодой Шестов разочаровывается крайне быстро. Уже следующая работа становится точкой отсчета для выработки Шестовым оригинального миросозерцания: это труд, посвященный Шекспиру и его критику Брандесу.

Брандеса Шестов критикует, в первую очередь, за попытку «научной», «объективной» критики Шекспира. «У Шекспира каждое действующее лицо говорит за себя и от своего имени. Нужно раз навсегда отказаться от нелепой идеи отождествления Шекспира с его героями. Все они лишь люди, которых видел, понимал и ценил поэт. И наша задача войти, вместе с Шекспиром, в их внутреннюю жизнь, чтобы уяснить себе, чего они искали, почему страдали, приходили к ужасу, преступлению, безумию: иными словами – нам нужно учиться у поэта, а не оправдывать его пред современной наукой». [Шестов 1911, 68]

В этой работе Шестов закладывает основы и базовые черты своей будущей философии: неприятие мира объективных и необходимых истин; настороженное отношение к научным и рациональным способам познания; акцент на личной и субъективной стороне жизни человека; неприятие формальной, автономной моральной нормы; диалектика веры и «объективной необходимости», религиозного и формального понимания свободы.

Философия Шестова – философия последовательной критики и дискредитации базовых гносеологических стратегий Нового времени и эпохи Просвещения. Однако стоит сделать важное уточнение: вопреки популярным в советское время интерпретациям Шестова как «антирационалиста» и «вульгарного мистика» более честно сказать, что для Шестова неприемлем лишь новоевропейский тип рациональности. Именно ему Шестов вменяет уничтожение индивидуальности, всевластие понятийных абстракций, тиранию общих принципов и тотализующих схем. Шестов всегда, в каждом своем рассуждении, остается европейским философом, если угодно, «русским европейцем» (см.: [Кантор 2001, Жукова 2013]), отстаивающим человеческую личность и индивидуальную свободу, не погружая человека в хаос мистицизма и традиционализма.

Мишенью для шестовской философии является концептуальное ядро новоевропейской философии, а именно разум Нового времени, который, как отмечали многие критики, Шестов некритично не отделяет от рассудка. Принципиальное для Канта разделение на разум и рассудок для Шестова несущественно. И то, и другое обладает для него лишь категориально-систематизирующей функцией, выхолащивающей реальное личностное содержание в субъекте,

делая его голой абстракцией, фикцией. Разум для Шестова – то, что сообщает миру «высшее единство» (здесь Шестов следует за Кантом), но единство это разум сообщает миру лишь в категориях всеобщего и необходимого, в категориях пресловутой научной повторяемости и регулярности.

На мой взгляд, процесс вытеснения новоевропейской философией экзистенциально-личного и индивидуального на периферию познания и мира как такового переживается Шестовым крайне болезненно. Обезличенный субъект Нового времени, воплощенный в матрице категориально-схематизирующих рациональных процедур является исходным пунктом философии Нового времени. Шестов обнаруживает в этом постулировании расщепление мира на регионы: необходимо-обязательного и личностно-индивидуального. Для Шестова искусственность этого раскола кажется неправомерной: богатство индивидуальных переживаний реального субъекта, изменчивое в силу своей природы, не вписывается в рационализирующую структуру Нового времени.

Философскую работу Шестов начинает с реконструкции и опровержения всего хода новоевропейской мысли. На этом пути он находит верных союзников, главным собеседником для Шестова на это время становится Ф. Достоевский. Шестов различает признанные теперь каноническими два этапа творчества русского писателя.

«Первый» Достоевский – это, в первую очередь, его персонаж Макар Девушкин из «Бедных людей», ищущий любовь и всеобщую гармонию, верящий в справедливость и моральную необходимость. «Второй» Достоевский, тот, которого так ценит Шестов, – это, в первую очередь, персонаж «Записок из подполья», не верящий ни в добро, ни в справедливость, ни в возможность построения счастья и торжества моральных принципов, усмехающийся над проектами социальных преобразований. «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» [Достоевский 1973, 174].

«Записки из подполья» Шестов признает самым сильным и глубоким произведением Достоевского, программным текстом, выражающим все его основные мировоззренческие и философские установки. В работе «Преодоление самоочевидностей» Шестов пишет: «“Подполье” – это вовсе не та мизерная конура, куда Достоевский поместил своего героя, и не его одиночество, полнее которого не бывает ни под землей, ни на дне морском, выражаясь языком Толстого. Наоборот, – это нужно себе всегда повторять – Достоевский ушел в одиночество, чтоб спастись, по крайней мере попытаться спастись, от того подполья (по-платоновски – пещеры), в котором обречены жить «все» и в котором эти же все видят единственно действительный и даже единственно возможный мир, т.е. мир, оправданный разумом» [Шестов 1993 II, 36].

Центральная тема «Записок из подполья» – борьба человека с необходимостью, с внешними принципами и правилами, с гнетом объективности, с тем, что сам герой называет «всемством», выражая это емкой формулой: «Я-то один, а они все». Достоевский, по мнению Шестова, выстраивает принципиально новую формулу гуманизма, он отстаивает свободу человека как будто по ту сторону необходимости и разума, свободу, онтологически предшествующую дискурсивным и логическим категориям и понятиям. «Я ведь тут собственно не за страдание стою, да и не за благоденствие. Стою я... за свой каприз и за то, чтоб он был мне гарантирован, когда понадобится» [Достоевский 1973, 119].

Для Шестова все последующие герои Достоевского – Свидригайлов в «Преступлении и наказании», Ипполит в «Идиоте», Аркадий Долгорукий в «Подростке», Ставрогин в «Бесах» и Иван Карамазов в «Братьях Карамазовых» развивают одну и ту же мировоззренческую линию, начатую и поставленную в «Записках из подполья». Эти герои – трагические, противоречивые, но одновременно невероятно сильные люди, пытающиеся доказать «всемству» важность их допредикативного, допонятийного бытия, абсолютную важность их субъективного, единичного существования. «Ищущим» героям Достоевского Шестов противопоставляет положительных героев, которых иронично критикует. Князя Мышкина в «Идиоте», например, Шестов прямо называет «бессловесной пустотой».

Второй по значимости фигурой после Достоевского для Шестова становится Фридрих Ницше. Между Ницше и Шестовым действительно можно найти много общего. Однако

стоит отметить, что Шестов все-таки читает Ницше «библеизированным» образом, через христианские смыслы и сюжеты. Похожа, несомненно, и сама стилистика, тональность, с которой оба автора обращаются к читателю – это форма исповеди, как самоистязающего суда над собой и всей рациональной культурой, к которой принадлежат европейцы и вся нововременная философия. При ближайшем рассмотрении можно отметить несколько основных совпадений между мировоззрением Шестова и Ницше (см.: [Курабцев 2006]).

- Змей-искуситель из библейского сюжета является христианской шестовской интерпретацией ницшеанской черной змеи, заползающей в рот спящему пастуху для того, чтобы обезглавить его. Черная змея у Ницше и змей-искуситель у Шестова символизируют царство новоевропейской необходимости, систематику законодательства чистого разума, безразличную к индивидуальному человеку.
- Имморализм шестовской философии является следствием из евангельского сюжета о том, что «солнце одинаково восходит над грешниками и праведниками». Свобода от морализаторства и царства морального категорического императива – еще один системообразующий сюжет философии Шестова. Та же мысль отражена у Ницше в названии и сюжете его работы «По ту сторону добра и зла», для Шестова эта работа Ницше – предчувствие, угадывание евангельской истины.
- «Человек – это то, что нужно преодолеть» – эта мысль объединяет Ницше и Шестова. Человек, бросающий вызов самому Разуму, человек, не боящийся абсурда и парадоксов – идеал шестовской антропологии. «Сверхчеловек» Ницше обладает схожими чертами.
- Философия – это всегда только антропология, все остальные вопросы вторичны.

Может быть, Ницше и Шестов были первыми (еще, пожалуй, Кьеркегор), кто в европейской культуре громко и ярко заявили о необходимости вывести человека за пределы всего того, чем занималась новоевропейская философия. В этом смысле их критика новоевропейского рационализма не является критикой его самого, а критикой того «расчеловечивания», которое происходит в результате новоевропейского увлечения гносеологией.

Вслед за Ницще и Достоевским Шестов обличает новоевропейскую рациональность как царство обыденности и всеобщности. «Вы говорите: “Разумное отношение к человечеству есть тоже моя выгода”; а если я нахожу все эти разумности неразумными, все эти казармы, фаланги? Да черт мне в них, и до будущего, когда я один только раз на свете живу! Позвольте мне самому знать мою выгоду: оно веселее» [Достоевский 1975, 49].

Любая теория познания, по Шестову, обладает значением лишь в том смысле, в котором она открыта индивидуальности человека, а не в том, в котором она истинна. Человеческое дороже правильного, личность важнее истины. Любые гносеологические схемы, по Шестову, лишь набрасываются на хаос реальности, остающейся для нас непостижимой. Непостижимость реальности и есть основное ее сущностное свойство (онтология «непостижимого» позже будет построена С. Франком). Теория познания должна отвечать на вопрос о том, как жить в этом мире без метафизических гарантий, как жить в мире, который всегда и каждый раз довершается только смыслополагающим актом каждого единичного вопрошающего существа, то есть человека. Рациональность Нового времени – пустой конструкт, оторвавшийся от реальности человеческого бытия.

Шестов полагает, что основанием для выдвижения новоевропейской мировоззренческой программы является переживание человеком своей конечности и «оставленности», наиболее ярко проявившейся именно в Новое время. Идея абсолютной причинности и каузальной детерминации феноменального мира создает ситуацию ментального покоя, которого так ищет человек Нового времени. Философия Нового времени налагает запрет на любую метафизику, ставящую вопросы о безусловном. «Итак, не нужно никакой метафизики, или если уже допустить метафизику, то только такую, которая умеет ладить с наукой и даже покоряться ей. Ибо – вперед можно знать, – если метафизика столкнется с наукой, она будет “сметена с лица земли”. Новая философия выросла и окрепла в таком сознании. После Декарта и в особенности после Спинозы ни один из признанных философов не мог говорить и думать иначе» [Шестов 1993 II, 9].

Объективация разума порождает ситуацию элиминации опыта «невозможности». Понятие «меры» и «достаточного основания» (в смысле А. Шопенгауэра) становятся базовыми характеристиками мировоззрения новоевропейского типа. Опыт, выходящий за рамки постижения его категориальным рассудком, обличается как «иллюзия» или «идол», которые подлежат устранению. Однако человеческое – это, как говорит Шестов, «самое важное», а все человеческое находится за пределами возможного опыта или, по крайней мере, на его границах.

Шестов утверждает, что принципы организации и субстантивации сознания коренятся в парадоксе «невозможности» и исключительности индивидуального опыта, а не в кантовских априорных категоризующих схемах, существующих внеличностным, «трансцендентальным» образом, обязательным для всех «разумных существ». Действительность в результате тотализующей репрессии разума Нового времени становится «одномерной», подлежащей абсолютной объективации, что наиболее ярко выражено в самом известном афоризме Г.В.Ф. Гегеля из его «Философии права»: «Что действительно – то разумно, что разумно – то действительно».

На мой взгляд, в антропологии, одновременно являющейся для Шестова как онтологией, так и основанием для новой гносеологии, философ является наследником русской христианской культуры, идущей от Соловьева и Достоевского. Я полагаю, что византийская исихастская идея, опирающаяся на духовный опыт патристики, понимающая человека как творческое, преображающееся существо, определяемое как «порыв к глубине бытия», является для Шестова и почти всех русских философов ключевой. Соответственно, для русской философии характерно персоналистское представление о человеке как «личности», противопоставленной западноевропейской «индивидуальности». Во многом из этих мировоззренческих установок вытекает и шестовская критика нововременной антропологии, понятия «опыта» и «рассудочности» в том смысле, в котором его понимает новоевропейская наука.

Поэтому я полагаю, что этика Нового времени заражена той же болезнью «обыденности», что и новоевропейская наука. Прорыв этот может осуществиться только на путях новой рациональности, понятой как постижение того, что преодолевает рациональность рассудочных схем и процедур, то есть в смысле «сверхрациональности», завязанной на религиозный опыт. Мне кажется, что здесь для Шестова онтология смыкается с гносеологией, понятой через религиозный опыт. «Религиозная философия есть рождающееся в безмерных напряжениях, через отврат от знания, через веру, преодоление ложного страха перед ничем не ограниченной волей Творца, страха, внушенного искусителем нашему праотцу и переданного нам всем. Иначе говоря, она есть великая и последняя борьба за первозданную свободу и скрытое в свободе божественное “добро зело”, расщепившееся после падения на наше немощное добро и наше всеуничтожающее зло» [Шестов 1993 I, 335].

Источники – Primary sources in Russian

Достоевский 1973 – *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 99–179 [*Dostoevsky F.M.* Notes from Underground. In Russian].

Достоевский 1975 – *Достоевский Ф.М.* Подросток // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975 [Dostoevsky F.M. A Raw Youth. In Russian].

Шестов 1911 – *Шестов Л.И.* Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л.И. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. СПб., 1911 [Shestov L.I. Shakespeare and his critic Brandes. In Russian].

Шестов 1993 – *Шестов Л.И.* Сочинения. В 2 т. М.: Наука, 1993 [Shestov L.I. Works. Vol. 1–2. In Russian]

Ссылки – References in Russian

Жукова 2013 – *Жукова О.А.* На пути к Русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013.

Курабцев 2006 – *Курабцев В.Л.* Философия Льва Шестова в контексте европейской религиозно-философской традиции: дис. … д-ра филос. наук. М.: РГГУ, 2006.

Кантор 2001 – *Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры. М.: РОССПЭН, 2001.

References

Kantor V.K. Russian European as a cultural phenomenon. Moscow: ROSSPEN, 2001 [In Russian].

Kurabtsev V.L. Philosophy of Lev Shestov in the context of European religious and philosophical traditions. Moscow: RGGU, 2006 [In Russian].

Zhukova O.A. On the way to the Russian Europe. Intellectuals in the struggle for freedom and culture in Russia. Moscow: Liberal Mission, 2013 [In Russian].

« Пред. След. »

Вернуться

© 2020 Журнал "Вопросы философии"

Rambler's Top100 mail.ru рейтинг 7252810 209 118